

Но некоторые вещи, однажды начавшись, уже нельзя остановить — как разлитую воду не собрать. Появление Лань Нина открыло для Сяо Чжэна другой путь — путь осознанности, с которого нет возврата.

Но это стало настоящим бедствием: идти против «основных идей», не быть принятым «обществом», когда все вокруг придерживаются совершенно противоположных взглядов. В этой общей среде только ты один знаешь, что прав, но не можешь разбудить остальных. Ты видишь, как они шаг за шагом погружаются в бездну, из которой нет спасения.

Лань Нин приходил в приют на два-три дня в месяц, оставаясь на ночь. Сяо Чжэн был единственным, кому он мог открыть душу. Они прятались в туалете, утешая и поддерживая друг друга, тихо и незаметно, словно две фиолетовые розы, растущие в тени.

Но чем больше времени проходило, тем сильнее становилось чувство тревоги в сердце Лань Нина.

Потому что Сяо Чжэн был слишком похож на него — не внешне, а во всех остальных смыслах. Черты лица Сяо Чжэна постепенно раскрывались, становясь более выразительными, и он был очень красивым мальчиком, по крайней мере, среди своих сверстников. Его характер был мягким, и в целом в нём не было недостатков, или, иначе говоря, Сяо Чжэн был отличным «донором генов».

Самые мрачные предчувствия Лань Нина сбылись, когда Сяо Чжэну исполнилось пятнадцать лет. Гун Цзяньхэ разместил информацию о Сяо Чжэне в «интернете», и многие «покупатели» заинтересовались этим ребёнком. Няня велела Сяо Чжэну «поиграть», назначив ему партнёршу — восемнадцатилетнюю девушку.

Сяо Чжэн уже некоторое время не видел Лань Нина. В последние разы «обучающий» парень был другим. Он отличался от Лань Нина: если улыбка Лань Нина была маской, то этот новый парень, выросший в приюте Юшань, не знал, что такое хорошо и что такое плохо, и его улыбка была искренней.

Сяо Чжэн подумал: «Если бы не Лань Нин, он, вероятно, стал бы таким же, как этот новый парень, не зная горя. Возможно, мне не пришлось бы мучиться бессонными ночами, но человек должен жить осознанно, имея право знать правду, а не погружаться в ад, сотканный из лжи и похожий на рай».

Девушка, с которой Сяо Чжэн должен был «играть», звали А Ци. С шестнадцати лет она вступала в связь с мужчинами и уже родила двоих детей. Поскольку она приносила деньги, директор Гун относился к ней хорошо. А Ци не могла понять, откуда это доброе отношение, но знала, что больше не нужно есть солёные овощи и булочки, а можно носить красивые платья, поэтому всегда была счастлива.

Казалось, все дети в приюте Юшань были беззаботными и счастливыми, кроме Сяо Чжэна.

А Ци уже не была «стажёркой», а Сяо Чжэн всегда вёл себя хорошо. Няня привела их в комнату, бросила пару слов и ушла, занявшись своими делами.

А Ци сняла куртку и сладко улыбнулась:

— Ты Сяо Чжэн? Давай играть.

Сяо Чжэн смотрел на неё в замешательстве:

— Ты играла со многими?

А Ци ответила:

— Не так много. Ты третий.

Сяо Чжэн, его бледные губы слегка дрожали, и он едва слышно произнёс:

— Сестра, я не хочу играть.

А Ци широко раскрыла свои чёрные глаза:

— Почему?

— ...Это не игра, — с грустью прошептал Сяо Чжэн. — Это неправильно. Ты девушка, а я парень. Мы не должны этого делать. Такие вещи можно делать только с тем, кого любишь. Не должно быть так...

А Ци нахмурилась, не понимая:

— О чём ты говоришь?

Сяо Чжэн не знал, как объяснить, стиснул зубы и умоляюще сказал:

— Можешь помочь мне? Давай просто посидим здесь немного, а потом ты скажешь, что мы уже поиграли.

А Ци покатила глазами:

— Ладно, если не хочешь играть — не надо.

Через полчаса А Ци, накинув одежду, вышла из комнаты и нашла няню во дворе:

— Сестра, я пошла!

Няня взглянула на неё:

— Как прошло?

А Ци равнодушно кивнула:

— Всё сделали.

Няня отправила А Ци обратно в «базу». Через несколько дней станут известны результаты теста. Если она не забеременеет, им придётся снова «играть». А Ци, жуя жвачку и выдувая пузыри, нерешительно остановилась у двери комнаты Гун Цзяньхэ.

Через некоторое время Гун Цзяньхэ вышел из комнаты и, увидев А Ци, в его хитрых глазах мелькнул тёмный огонёк. Он улыбнулся и спросил:

— А Ци, что ты здесь делаешь? Разве ты не пошла играть с другим ребёнком?

— Директор, этот Сяо Чжэн такой странный, — нахмурившись, сказала А Ци. — Я никому не говорила, но он сказал, что всё, чему вы нас учите, — неправда. Он сказал, что он парень, а я девушка, и мы не должны так делать.

В тот момент А Ци увидела, как на обычно добродушном лице директора появилось злое и пугающее выражение. Она невольно отступила назад и тихо сказала:

— Нет, это не я сказала.

— Ничего страшного, он просто плохо учится. Дети, которые плохо учатся, должны быть наказаны, — быстро взяв себя в руки, Гун Цзяньхэ снова надел маску доброты и мягко произнёс. — Непослушные дети — это плохие дети. А Ци, разве ты поверишь словам плохого ребёнка?

А Ци покачала головой.

Гун Цзяньхэ погладил её по голове и ласково сказал:

— Хорошая девочка.

После того как А Ци ушла, выражение лица Гун Цзяньхэ мгновенно изменилось, в его глазах появилась ледяная холодность.

Как Сяо Чжэн узнал об этом?

Теоретически, Сяо Чжэн был «чужаком» в этой «сказочной стране». Его не следовало оставлять, иначе он мог проболтаться и испортить других детей. Но сейчас Сяо Чжэн был слишком «востребован» и мог принести неоценимую пользу... Как когда-то Лань Нин.

Когда Гун Цзяньхэ появился перед ним, Сяо Чжэн понял, что его тайна раскрыта.

Гун Цзяньхэ слегка наклонился и, пристально глядя ему в глаза, спросил:

— Сяо Чжэн, скажи дяде Гуну, кто тебе это рассказал?

Сяо Чжэн, не моргая, смотрел на Гун Цзяньхэ, словно видел перед собой дьявола в человеческом обличье, под маской которого скрывалась гниющая язва. Сяо Чжэн боялся назвать имя Лань Нина, крепко стиснув губы, молчал.

Глаза Гун Цзяньхэ наполнились злобой и холодом, и он уже не был тем добрым и ласковым дядей, каким казался раньше:

— Точно не скажешь? Лгунов будут наказывать.

Сяо Чжэн испугался до глубины души, из его горла вырвалась дрожащая фраза:

— Ты плохой, ты злодей.

Гун Цзяньхэ не стал спорить с ребёнком, но знал, что Сяо Чжэн всегда боялся темноты и даже не мог спать один — ему нужны были другие дети рядом. Поэтому он приказал запереть его одного в комнате — под номером 0816.

Няня толкнула Сяо Чжэна в тёмную комнату и холодно сказала:

— Сегодня ночью ты будешь здесь один, подумай о своём поведении.

Сяо Чжэн в ужасе широко раскрыл глаза, наблюдая, как няня закрывает дверь, и последний луч света исчез.

Сяо Чжэн бросился к двери, отчаянно стуча по ней:

— Выпустите меня! Выпустите меня!

Няня не ушла далеко, прислонившись к стене, она курила, слушая истошные крики Сяо Чжэна. Это место было очень уединённым, и его голос не мог дойти до чьих-либо ушей.

<http://bllate.org/book/17716/1655747>